

Содержание

Первая часть. Утраченные письма	7
Вторая часть. Мама	39
Третья часть. Ангелы	79
Четвертая часть. Утраченные письма	113
Пятая часть. Литость	165
Шестая часть. Ангелы	217
Седьмая часть. Граница	267

Первая часть
УТРАЧЕННЫЕ ПИСЬМА

1

В феврале 1948 года вождь коммунистической партии Клемент Готвальд вышел на балкон пражского барочного дворца, чтобы обратиться с речью к сотням тысяч сограждан, запрудивших Староместскую площадь. Это была историческая минута в судьбе Чехии.

Рядом с Готвальдом, окруженным соратниками, находился Клементис. Шел снег, холодало, а Готвальд стоял с непокрытой головой. Заботливый Клементис снял свою меховую шапку и надел ее на голову вождя.

Отдел пропаганды размножил в сотнях тысяч экземпляров фотографию балкона, на котором Готвальд в барашковой шапке, окруженный соратниками, говорит с народом. На этом балконе началась история коммунистической Чехии. Любой ребенок знал эту фотографию по плакатам, учебникам и музейным экспозициям.

Четырьмя годами позже Клементис был обвинен в измене и повешен. Отдел пропаганды незамедлительно удалил его из истории и, разумеется, из всех фотографий. С той поры на балконе Готвальд стоит уже один. Там, где некогда был

Клементис, теперь только голая стена дворца. От Клементиса осталась лишь шапка на голове Готвальда.

2

1971 год. Мирек говорит: борьба человека с властью — это борьба памяти с забвением.

Так он пытается оправдать то, что его друзья называют неосмотрительностью: он тщательно ведет дневники, собирает письма, делает заметки на всех собраниях, на которых идет речь о настоящем положении вещей и решается вопрос о дальнейших действиях. Он объясняет им: я ничем не нарушаю Конституцию. Прятаться и ощущать себя виноватым — было бы началом поражения.

Неделю назад, работая со строительной бригадой на крыше новостройки, он посмотрел вниз и почувствовал головокружение. Покачнувшись, ухватился за неукрепленную балку; она сорвалась, и его пришлось высвободить из-под нее. На первый взгляд ранение выглядело ужасно, но затем, убедившись, что это всего лишь обычный перелом руки, он не без удовлетворения подумал о нескольких предстоящих свободных неделях, когда он наконец сумеет завершить дело, для которого до сих пор не находил времени.

Ему все-таки пришлось признать правоту своих более осмотрительных товарищей. Даже если Конституция и гарантирует свободу слова, законы, однако, карают за все, что может быть истолковано как подрыв государства. Но откуда нам

Первая часть. Утраченные письма

знать, когда государство поднимет крик, что то или иное слово подрывает его? И потому он все же решил переправить компрометирующие бумаги в безопасное место.

Но прежде всего надо было поставить точку в истории со Зденой. Он пытался дозвониться в ее город, что в ста километрах от Праги, но безрезультатно. Зря потерял четыре дня. Только вчера ему удалось поговорить с ней. Она обещала ждать его нынче после обеда.

Семнадцатилетний сын Мирека считал, что с загипсованной рукой он не сможет вести машину. И вправду, это оказалось непросто. Сломанная рука болталась на перевязи у груди беспомощно и без всякого проку. Каждый раз, когда приходилось переключать скорость, он отпускал руль.

3

Он встречался со Зденой двадцать пять лет назад, и о той поре у него сохранилось лишь несколько воспоминаний.

Как-то раз она явилась к нему, утирая платком глаза и шмыгая носом. Он спросил, что случилось. Она объяснила ему, что вчера умер в России один большой человек. Некий Жданов, Арбузов или Мастурбов. Судя по количеству пролитых слез, смерть Мастурбова потрясла ее больше смерти собственного отца.

Могло ли вообще такое случиться? Уж не нынешняя ли его ненависть придумала эти рыдания по Мастурбову? Нет, это было на самом деле.

Конечно, и то правда, что непосредственные обстоятельства, делавшие ее рыдания искренними и настоящими, нынче уже ускользали от него, и воспоминание сделалось неправдоподобным, точно карикатура.

Все сохранившиеся о ней воспоминания были такого же рода. Однажды они вместе возвращались на трамвае из квартиры, где впервые познали друг друга. (Со странным удовлетворением Мирек обнаружил, что об их любовных встречах он забыл начисто и не смог бы восстановить в памяти ни одного их мгновения.) Она сидела в уголке на скамейке, крупная, сильная (по сравнению с ней он был маленький и хрупкий), трамвай дребезжал, и ее лицо было мрачным, замкнутым и на удивление старым. Он спросил ее, отчего она такая молчаливая, и услышал в ответ, что она не удовлетворена их любовной близостью. Сказала, что он спал с ней, как интеллигент.

«Интеллигент» на тогдашнем политическом жаргоне было словом бранным. Оно определяло человека, не понимающего жизни и оторванного от народа. Все коммунисты, вздернутые в то время другими коммунистами, были удостоены этим ругательством. В отличие от тех, кто обеими ногами стоял на земле, они якобы витали в облаках. А посему представлялось справедливым, что земля у них из-под ног была в наказание окончательно выбита и они повисли невысоко над ней.

Что Здена имела в виду, обвиняя его, что он спал с ней, как интеллигент?

Первая часть. Утраченные письма

Так или иначе, но она была не удовлетворена им, и подобно тому, как сумела наполнить некое абстрактное отношение (отношение к неведомому Мастурбову) самым конкретным чувством (материализованным в слезах), и самому конкретному действию смогла придать абстрактный смысл, а для своей неудовлетворенности найти политическое обозначение.

4

Он смотрит в зеркальце заднего обзора и понимает, что за ним неотрывно следует легковушка. Он никогда не сомневался в том, что за ним установлена слежка, но до сих пор они соблюдали искусную осторожность. С сегодняшнего дня дело коренным образом изменилось: они хотят, чтобы он знал о них.

Примерно в двадцати километрах от Праги посреди поля высится ограда, а за ней — авторемонтные мастерские. Там у него хороший знакомый, который сможет заменить ему неисправный стартер. Перед въездом, перегороженным шлагбаумом в красно-белую полосу, он остановился. Возле шлагбаума стояла толстая тетка. Мирек подождал, пока она откроет проезд, но тетка все смотрела на него и не двигалась с места. Он посигналил, но результат был тот же. Он выглянул из окна. Тетка сказала: — А вас еще не забрали?

— Нет, меня еще не забрали, — ответил Мирек. — Вы можете поднять шлагбаум?

Она еще с минуту равнодушно смотрела на него, а потом, зевнув, пошла в будку. Рассевшись там за столом, она больше не устаивала Мирека даже взглядом.

Он вышел из машины и, обойдя шлагбаум, направился в мастерскую, чтобы найти знакомого механика. Тот, вернувшись вместе с Миреком, сам поднял шлагбаум (тетка по-прежнему безучастно сидела в будке), и Мирек смог въехать во двор.

— Ну видишь, а все потому, что ты без конца мельтешил в телике, — сказал механик. — Любая баба с лица тебя узнаёт.

— А это кто? — спросил Мирек.

Как выяснилось, вторжение русской армии, захватившей Чехию и повсеместно навязывавшей свое влияние, в корне изменило жизнь этой женщины. Видя, что люди, занимавшие более высокие должности, чем она (а все кругом занимали более высокие должности, чем она), по самому ничтожному наговору лишаются власти, положения, работы и хлеба насущного, распалась и сама начала доносить.

— Почему же она по-прежнему торчит в будке у шлагбаума? Ее что, так и не повысили в должности?

Автомеханик улыбнулся: — Она и до пяти тебе не сосчитает. Как ее повысить? Они только и могут, что снова подтвердить ее право наушничать. В этом вся ее награда. — Подняв капот, он занялся мотором.

Вдруг Мирек осознал, что в двух шагах от него стоит человек. Он оглядел его: на нем были

Первая часть. Утраченные письма

серый пиджак, белая рубашка и коричневые брюки. Над толстой шеей и отекившим лицом волнились уложенные седые волосы. Он стоял и смотрел на автомеханика, пригнувшегося под открытым капотом.

Автомеханик вскоре тоже заприметил его и, выпрямившись, спросил: — Вы кого-нибудь ищите?

Мужчина с толстой шеей и уложенными волосами ответил: — Нет, я никого не ищу.

Автомеханик, снова склонившись над мотором, сказал: — На Вацлавской площади в Праге стоит человек и блюет. Мимо него идет другой, смотрит на него и печально кивает: «Знали б вы, как я вас понимаю...»

5

Убийство Альенде быстро перекрыло воспоминание о русском вторжении в Чехословакию, кровавая резня в Бангладеш заставила забыть об Альенде, война в Синайской пустыне заглушила стенания Бангладеш, бойня в Камбодже заставила забыть о Синае и так далее и так далее — вплоть до полного забвения всех обо всем.

Во времена, когда история двигалась еще медленно, ее немногочисленные события легко запоминались и создавали общеизвестный фон, на котором разыгрывались захватывающие сцены приключений из частной жизни. Сейчас время движется быстрым шагом. Историческое событие, за ночь забытое, уже назавтра искрится

росой новизны, и потому в подаче рассказчика является не фоном, а ошеломляющим *приключением*, которое разыгрывается на фоне общеизвестной банальности частной жизни.

Ни одно историческое событие не следует считать общеизвестным, и потому даже о тех из них, что произошли всего лишь несколько лет назад, мне приходится рассказывать как о событиях тысячелетней давности: в 1939 году походным порядком вошла в Чехию немецкая армия и государство чехов перестало существовать. В 1945 году в Чехию походным порядком вошла русская армия и страна вновь стала называться независимой республикой. Люди восторгались Россией, изгнавшей из их страны немцев. А поскольку в чешской коммунистической партии видели ее верного сподвижника, перенесли свою симпатию и на нее. И так случилось, что в 1948 году коммунисты взяли власть не кровью и насилием, а под ликование доброй половины народа. И обратите внимание: та половина, что ликовала, была более активной, более умной, была лучшей половиной.

Да, что бы вы ни говорили, но коммунисты были умнее. У них была грандиозная программа. План совершенно нового мира, в котором все найдут свое место. У тех, кто противостоял им, не было никакой великой мечты, разве что несколько моральных принципов, избитых и скучных, которыми они хотели залатать разодранные штаны установленного порядка. И потому неудивительно, что эти энтузиасты, люди широкого размаха, одержали победу над осторожны-

Первая часть. Утраченные письма

ми соглашателями и стали быстро претворять в жизнь свою мечту: идиллию справедливости для всех.

Подчеркиваю снова: *идиллию* и *для всех*, ибо все люди издавна мечтают об идиллии, о том саде, в котором поют соловьи, о том пространстве гармонии, где мир не восстает на человека, а человек — на себе подобных, где, напротив, мир и все люди созданы из единой материи и огонь, пылающий на небесах, — это огонь, горящий в человеческих душах. Там каждый человек является собой ноту в прекрасной фуге Баха, а кто не хочет быть ею, останется лишь черной точкой, ненужной и бессмысленной, которую достаточно поймать и раздавить между ногтями, как блоху.

С самого начала иные осознали, что лишены характера, требуемого для идиллии, и захотели покинуть страну. Но поскольку суть идиллии в том, что она мир для всех, пожелавшие эмигрировать продемонстрировали свое неприятие идиллии и вместо того, чтобы уехать за кордон, угодили за решетку. Вскоре туда за ними последовали тысячи и десятки тысяч других, а заодно с ними и многие коммунисты, такие, например, как министр иностранных дел Клементис, водрузивший когда-то на голову Готвальда свою шапку. На киноэкранах держались за руки робкие любовники, супружеская измена сурово каралась гражданскими судами чести, соловьи пели, и тело Клементиса качалось, словно колокол, возвещавший новую зарю человечества.

И тогда эти молодые, умные и решительные люди вдруг обнаружили в себе странное чувство,

что они выпустили в мир поступок, который зажил собственной жизнью, перестал походить на их исконные представления и презрел тех, кто его породил. И вот эти молодые и умные начали взывать к своему поступку, воскрешать его, хулить, преследовать, гоняться за ним. Если бы я писал роман о поколении тех одаренных и решительных людей, я назвал бы его *Погоней за утраченным поступком*.

6

Механик захлопнул капот, и Мирек спросил, сколько должен ему. — Ерунда, — ответил тот.

Мирек сел за руль, он был тронут. Ему совсем не хотелось продолжать путь. Куда охотнее он остался бы с механиком и обменялся бы с ним анекдотами. Механик, наклонившись к машине, хлопнул Мирека по плечу и пошел к будке — поднять шлагбаум.

Когда Мирек проезжал мимо, механик кивком указал ему на машину, припаркованную у въезда в мастерскую. Там, склонившись у открытой двери машины, стоял мужчина с толстой шеей и уложенными волосами. Он смотрел на Мирека. Парень, что сидел за рулем, тоже наблюдал за ним. Оба смотрели на Мирека нагло, без стеснения, и Мирек, проезжая мимо, постарался ответить им таким же взглядом.

Миновав их, он увидел в зеркальце заднего обзора, как мужчина вскочил в машину и она, развернувшись дугой, пристроилась к нему в хвост.

Первая часть. Утраченные письма

Мысль, что надо было раньше избавиться от компромата, тотчас пришла ему в голову. Нельзя было подвергать опасности и себя, и своих друзей. Если бы он сделал это в первый же день своей болезни и не ждал, пока дозвонится до Здены, возможно, ему удалось бы все вывезти без всякого риска. Но сейчас ничто не занимало его так, как поездка к Здене. Впрочем, он думал об этом уже немало лет. Но в последние недели его преследует мысль, что с этим нельзя больше мешкать, ибо его судьба близится к концу и он должен сделать все ради ее совершенства и красоты.

7

Когда в те давние времена он расстался с ней, его опьянило ощущение беспредельной свободы и все вдруг стало ему удаваться. Вскоре он женился на женщине, чья красота выковала в нем сознание собственного достоинства. Потом его красавица умерла, и он остался один с сыном в какой-то кокетливой сиротливости, вызывавшей восхищение, интерес и заботу многих других женщин.

Он преуспевал и в своей научной работе, и этот успех защищал его. Государство нуждалось в нем, и потому он мог позволить себе отпустить колкости по его адресу еще в ту пору, когда почти никто не отваживался на это. Постепенно, по мере того как те, что в погоне за своим поступком обретали все большее влияние, он то-

же все чаще появлялся на телеэкране и сделался весьма заметной фигурой. Когда после прихода русских он отказался предать свои взгляды, его выгнали с работы и обложили легавыми. Это не сломило его. Он был влюблен в свою судьбу, и ему казалось, что его путь к гибели полон величия и красоты.

Поймите меня правильно: я сказал, что он был влюблен в свою судьбу, но не в самого себя. Это две абсолютно разные вещи. Его жизнь как бы обрела самостоятельность и стала вдруг отстаивать исключительно собственные интересы, что далеко не совпадали с интересами самого Мирека. Именно это я и имею в виду, утверждая, что его жизнь превратилась в судьбу. Судьба не думала даже пальцем шевельнуть ради Мирека (ради его счастья, безопасности, хорошего настроения и здоровья), тогда как Мирек готов был сделать все для своей судьбы (для ее величия, ясности, красоты, стиля и внятного смысла). Он чувствовал себя ответственным за свою судьбу, однако его судьба не чувствовала себя ответственной за него.

К своей жизни он относился как скульптор к своему изваянию или романист к своему роману. Одно из неотъемлемых прав романиста — возможность переработать свой роман. Если его не устраивает начало, он волен переписать его или просто вычеркнуть. Но существование Здена лишало Мирека авторских прав. Здена настаивала на том, что она останется на первых страницах романа и вычеркнуть себя не позволит.

Но почему, собственно, он так отчаянно стыдится ее?

Скорее всего, напрашивается такое объяснение: Мирек с давних пор принадлежал к тем, кто пустился в погоню за собственным поступком, тогда как Здена оставалась приверженной саду, где поют соловьи. А в последнее время она и вовсе относилась к тем двум процентам населения, кто приветствовал русские танки.

Да, это правда, но я не считаю это объяснение достаточно убедительным. Если бы речь шла лишь о том, что она приветствовала русские танки, он осудил бы ее во всеуслышание и не отрицал бы того, что знает ее. Здена провинилась перед ним в гораздо большем. Она была уродлива.

Но много ли значило то, что она была уродлива, коль он не спал с ней более двадцати лет?

А вот и значило: большой нос Здены даже издалека бросал тень на его жизнь.

Несколько лет назад у него была красивая любовница. Однажды она наведальась в город, где проживала Здена, и вернулась оттуда вне себя: — Скажи мне, пожалуйста, как ты мог крутить любовь с этой страшилой?

Он ответил, что знаком был с ней лишь поверхностно, а их интимные отношения опроверг начисто.

Все дело в том, что он был посвящен в великую тайну жизни: женщины не ищут красивых мужчин. Женщины ищут мужчин, обладающих красивыми женщинами. Поэтому уродливая лю-

бовница — это роковая ошибка. Мирек пытался замести все следы своей связи со Зденой, а так как любящие соловьев все больше и больше его ненавидели, он надеялся, что и Здена, успешно делавшая карьеру партийной функционерки, быстро и охотно забудет о нем.

Но он ошибался. Она говорила о нем всегда, везде и при любых обстоятельствах. Если он по несчастливой случайности встречал ее в обществе, она всеми правдами и неправдами спешила оживить какое-то воспоминание, явно свидетельствовавшее о том, что когда-то они были близко знакомы.

Он неистовствовал.

— Если ты так ненавидишь эту женщину, объясни мне, почему ты встречался с ней? — задал ему однажды вопрос его приятель, знавший ее.

Мирек стал объяснять ему, что он был тогда двадцатилетним балбесом, а она — старше его, всесильная, уважаемая, все восхищались ею! Она практически знала каждого работника Центрального комитета партии! Помогала ему, продвигала, знакомила с влиятельными людьми!

— Я был карьеристом, пойми же ты, болван! — кричал он. — Напористым, молодым карьеристом! Поэтому я ухватился за нее, и мне было начхать, что она уродлива!

9

Мирек говорил неправду. Здена была того же возраста, что и он. Хотя она и оплакивала смерть Мастурбова, двадцать лет назад у нее не

Первая часть. Утраченные письма

было ни влиятельных связей, ни возможности поспособствовать своей карьере или чьей-либо другой.

Тогда почему он это выдумывает? Почему лжет?

Одной рукой он держит руль, в зеркальце заднего обзора видит машину тайных агентов и вдруг покрывается краской. В нем проснулось одно совершенно неожиданное воспоминание.

Когда после их первой любовной близости она попрекнула его чересчур интеллигентной манерой вести себя, он решил в следующий раз исправить впечатление и проявить ничем не скованную, необузданную страсть. Нет, неправда, что он забыл обо всех их интимных встречах! Одну из них он видит сейчас абсолютно явственно: он двигался на ней с притворной дикостью, издавая протяжный, рычащий звук, сродни тому, что издает пес, воющий со шлепанцем своего хозяина, и при этом (с легким удивлением) смотрел, как она очень спокойно, тихо и почти безучастно лежит под ним.

Машина оглашалась этим рычанием двадцатилетней давности — мучительным звуком его покорности и рабского усердия, звуком его готовности и приспособленчества, его комичности и убожества.

Да, именно так: Мирек был готов объявить себя карьеристом, лишь бы не признать правды: он встречался с уродиной, потому что посягнуть на красивую женщину не хватало духу. Ни на что большее, чем на Здену, он не смел рассчитывать. Слабодушие и нужда — вот тайна, которую он скрывал.